

Из того, что осталось от шеи кенобита, толчками выплескивалась кровь. Уриэль с отвращением оттолкнул от себя тело и отступил назад, вытирая противную вязкую жидкость с лица. Тело осталось стоять, содрогаясь в объятиях жестокой неведомой силы, овладевшей им. Руки кенобита были раскинута, и брызги крови из разрезанных запястий разлетались в разные стороны, пачкая мраморные статуи и алтарь.

Уриэль не мог оторвать взгляд от этого жуткого зрелища, хотя созерцание этого кошмара не прибавляло комфорта его желудку. Тот всегда бунтовал, когда корабль совершал переход в варп-пространство, — как будто прыгал внутри. Уриэль схватился за спинку скамьи, внезапно испытав сильное головокружение. Секундой позже ему стало лучше.

Отвратительный труп продолжал трястись в конвульсиях, несмотря на отсутствие головы, и Уриэль почувствовал запах, который ни с чем не спутаешь: воздух был наполнен миазмами колдовства. Священники в ужасе причитали и стонали, падали на колени и бормотали молитвы о заступничестве и милосердии. Другие же, сделанные из иного теста, выхватили из-под ряс пистолеты и направили стволы на танцующий труп.

— Нет! — крикнул Уриэль, резким движением выхватывая меч и направляясь к мертвецу. Тело шагнуло к нему, но сокрушительный удар лезвия разрубил его от ключицы до таза. Кенобит упал на мраморный пол, все еще дергаясь.

— Вот черт, — выругался Пазаниус, отступая назад от мертвого и размахисто осеня себя знаком орла. — Что с ним случилось?

— Не имею ни малейшего представления, — сказал Уриэль, опускаясь на колени рядом с телом и вытирая клинок ризой кенобита. В это время в часовне замигали сигнальные огни и завывали сирены. Уриэль резко выпрямился и сказал: — Но что-то мне подсказывает, мы скоро это выясним.

Он побежал к выходу из часовни. Болтер был уже взведен. Пазаниус подхватил свой огнемет и последовал за бывшим капитаном в коридор, но остановился как вкопанный, увидев, что происходит там.

Мужчины застыли, когда стены арочного коридора перед ними заколыхались и подернулись рябью, дохнув дьявольским жаром. С тремя измерениями творилось что-то странное.

— О великий Император! — выдохнул Пазаниус в ужасе. — Наверное, отказало поле Геллера, Варп разрушает его!

— Император знает, что нас ждет; — сказал, Уриэль, и противная дрожь пробежала по его позвоночнику.

Без силового поля Геллера, которое защищало корабль от хищных созданий, что населяли Имматериум, ад пожрет «Гордость Калта» и всех его обитателей. Бесплотные ужасы варпа и

призрачные фантомы способны в считанные мгновения свести с ума людей и изуродовать технику.

— Давай быстрее! — крикнул Уриэль. — В гимназиум! Нам надо собрать как можно больше солдат, пока еще не поздно.

Уриэль и Пазаниус нетвердым шагом двинулись по коридору. Они спотыкались как пьяные, пробираясь сквозь обезумевшие измерения, и старались сохранить равновесие. Крики и рев слышались впереди, но Уриэль понял, что не может определить точно, где находится это «впереди», — эхо заблудилось, и создавалось такое ощущение, что вопли раздаются со всех сторон. Стены и потолок коридора, казалось, превратились в жидкость, которая крутилась в водовороте, и сама материя расползалась прямо на глазах.

Где-то далеко зазвучал колокол: он бил тяжеловесно, медленно и грустно в одну секунду, а в другую — исходил резким, дребезжащим звуком. Придерживаясь стены как ориентира в изменяющемся пространстве, два Космодесантника прокладывали себе путь, погружаясь все глубже и глубже в атмосферу безумия.

Уриэлю показалось, что он видит высокую гору, окутанную дымкой, поднимающуюся прямо из пола, но в следующий миг на этом самом месте разлилось бушующее море. Он увидел, как Пазаниус трет глаза в недоумении, и понял, что у сержанта те же трудности. Уриэль словно утратил способность воспринимать действительность как целое, мир для него превратился в разрозненную мозаику. Ультрамарину было сложно переводить взгляд с предмета на предмет, а в голове творилось что-то невероятное. Было такое чувство, что в черепе обосновался рой разозленных пчел. Космодесантник потряс головой, пытаясь избавиться от наваждения.

— Как далеко мы продвинулись? Сколько нам еще осталось идти? — крикнул Пазаниус.

Уриэль ухватился за переборку, благодаря Императора за то, что та все еще была довольно осязаема в меняющейся реальности, и снова потряс головой. Хотя от этого движения к горлу подкатывала непреодолимая тошнота.

— Какого ты ждешь ответа? Ты же сам прекрасно видишь, что любой предмет меняется ровно в ту секунду, как ты на него досмотришь.

— Мне кажется, что мы уже у цели, — сказал Пазаниус, направляясь к месту, похожему на мраморный атриум гимназиума. Хотя сейчас на его месте пространство было вывернуто — сводчатый потолок прыгал под ногами, а над головой маячил пол. Здесь измерения свихнулись окончательно.

Уриэль кивнул, собрался с силами и ринулся вперед, но спазм вновь скрутил его желудок, когда воин, спотыкаясь, вошел в атриум. Глаза говорили ему, что он идет по полу, но капитан готов был поклясться, что его подошвы скользят по выгнутой поверхности перевернутого купола. Он чувствовал, что под ногами у него бронированное стекло купола атриума.

Уриэль посмотрел вниз, и к горлу снова подкатила тошнота. На этот раз позыв сдержать не удалось. Он упал на колени, и его вырвало. Рвотные массы пенились и протекали сквозь сталепласт.

Это был вари во всей своей красе — ядовитый и невыносимый для глаз. Желчная злоба Имматериума предстала в простом и одновременно пугающем виде, насилуя что-то потаенное в человеческом разуме, который был не в силах постичь происходящее. Ни одно живое существо не могло выдержать этого кошмарного напряжения.

Уриэль осознал, что его взгляд прикован к отвратительной цветовой палитре варпа — мерзкой грязной болячке пепельно-желтого цвета. Смотреть на него было невозможно, а не смотреть — тоже. Варп все изменял, рассеивал внимание и вторгался в сознание. Подлые, грязные мысли вылуплялись из непотребной каши, и Уриэль понял, что ему предстоит познать, какие ужасы способны всплыть из глубин его души. И то, с чем он боролся всю свою жизнь, одолеет его и погрузит в пучину безумия.

Латные перчатки сжали его плечи и дернули вверх. И в тот же момент он всем своим существом ощутил слепую ярость варпа, у которого отобрали лакомый кусочек кристально чистой души и здравомыслия.

— Не смотри на это! Закрой глаза и не открывай их! — прокричал Пазаниус, с трудом отрывая Уриэля от поверхности купола.

Уриэль слышал настойчивый зов, который сулил ему могущество и неземные наслаждения, если он перестанет сопротивляться. Хаос требовал от него, чтобы он и дальше созерцал ужасное величие варпа, но Уриэль не открывал глаз, не желая отдавать свою душу Имматериуму.

Наконец, задыхающиеся и вымотанные, Уриэль и Пазаниус выбрались из атриума, избежав коварного обольщения варпа. Ультрамарины чувствовали, как слабость и тошнота отступают по мере того, как они отходят от опасного места.

Уриэль поднял глаза, вязко кашлянул, сплюнув остатки рвоты, и сказал:

— Спасибо тебе, мой друг.

Пазаниус только мотнул головой:

— Нам туда! Вход в гимназиум должен быть вон за той аркой.

— Да, похоже, что так, — согласился Уриэль, сражаясь со слабостью. — Будем надеяться, что он все еще там.

Спотыкаясь, Космодесантник прошел через арку и заглянул в зал.

— О нет, — только и прошептал он, пораженный открывшимся видом.

Вместо арочных окон тренировочного зала перед ними возник широкий коридор, украшенный вычурными панелями. Он вел к земляной арене, которую трудно было окинуть взглядом. Что было еще неправдоподобнее, так это то, что над ареной была не крыша, а словно подсвеченное снизу темно-малиновое небо с мерцающими кроваво-красными облаками.

Уриэля оглушил отчаянный хор мучительных воплей, который отдавался эхом в коридоре и стиснутом острой болью черепе. Эти ужасные крики были лишь отдаленно похожи на человеческие.

Его желудок опять сжался — густой запах свежей крови перебивал все другие.

Солдаты с Макрэйджа-808, за которыми шли Ультрамарины, были здесь, но полк, готовый сражаться во славу Императора, превратился теперь в исступленно визжащие кровавые ошметки.

Люди корчились на земляном полу, пропитывая его своей кровью. Они безуспешно пытались сражаться с противником, атакующим из-под земли. Костяные, даже без намека на кожу и мышцы, руки тянулись прямо из пола, хватали воинов и рвали их когтями. Уриэль активировал меч и бросился на арену, но его ноги провалились в мягкую болотистую почву, сочащуюся красноватой жидкостью. Кости и ухмыляющиеся черепа отсвечивали белым сквозь бурую землю, и Уриэль понял, что земля напитаена отнюдь не водой, а только что пролитой кровью.

Его ум лихорадочно заработал, прокручивая все возможные варианты действий. Сколько же должно быть пролито крови, чтобы твердокаменная почва арены, утопанная множеством солдатских сапог, превратилась в вязкое болото? Сколько артерий фонтанировало кровью, чтобы утолить отвратительную жажду этой темной земли?

Уриэля передернуло от ужасного зрелища — мужчина, который был уже наполовину в земле, жутко кричал, запрокинув перекошенное, залитое слезами и кровью лицо.

— Помоги мне! Заклинаю именем Императора! Помоги мне! — визжал несчастный.

Уриэль одним ловким движением вогнал свой меч в ножны и побежал к человеку, простиравшему к нему руки в мольбе. Но перемазанные кровью ладони страдальца выскользнули из латных перчаток. Тогда капитан скинул плащ и бросил перед несчастным, чтобы тот мог выбраться по нему. Когда же солдат схватился за ткань, Уриэль с силой потянул и в ужасе отшатнулся — ниже пояса у солдата ничего не было, точнее, вся нижняя часть его тела лишилась плоти. Голодная земля обглаживала кости умирающего, не желая отдавать свою добычу.

Чувство абсолютной беспомощности захлестнуло Уриэля, когда он наблюдал в оцепенении, как проклятая земля пожирает обессиленных мужчин и женщин. Кошмарные звуки поглощаемой плоти, отрываемой от костей со смачным треском и хлюпаньем, сводили его с ума.

— Святой Император, нет! — выкрикнул Пазаниус, пытаясь спасти воющую женщину от такой же участи.

Хохочущие тени носились вокруг, как черные вестники, выделявая антраша и издеваясь над душами, устремившимися с поля бойни вверх, к кроваво-красному небу.

Внезапно тишина спустилась на арену, и кровавая земля поглотила останки с утробным чавканьем. Едва исчезло последнее тело, из центра арены донеслось тихое злое булканье, и Уриэль увидел, как длинный узкий утес поднялся из кровавого болота. На глазах изумленных Космодесантников утес превратился в... железнодорожную платформу, совершенно обычный будничныи вид которой говорил о каком-то издевательском чувстве юмора устроителей этой свистопляски. Через арену пролеглы рельсы.

Зловещую тишину нарушили свист и шипение. Затем снова слышались звуки человеческих голосов — стоны, бормотание, вскрики. Словно тысячи человек метались в ночном кошмаре, от которого никогда не смогут очнуться.

— Святой Император, защити нас от зла, даруй нам силу духа и тела, дабы мы могли сражаться с твоими врагами и разбить их войска с твоим благословением, — молился Пазаниус.

— Слишком поздно, — прошептал Уриэль, вновь обнажив меч и готовясь сразиться с чем угодно, с любыми чудовищами варпа, сорвавшимися с привязи.

— Нет... Вы еще не начали...

Ультрамарины завертели головами в поисках источника голоса.

— Ты что-нибудь слышал? — спросил Уриэль.

— Да, — кивнул Пазаниус. — Но мне кажется, этот... этот голос раздался внутри моей головы. Скоро произойдет что-то страшное, Уриэль.

— Я знаю, но что бы ни случилось, мы будем сражаться с отвагой и честью.

— Отвага и честь, — повторил Пазаниус, заливая прометий в огнемет и проверяя наконечник распылителя.

— Пойдем, — решительно сказал Уриэль, кивая на окровавленную платформу в центре арены.

— Что бы нас ни ожидало, мы встретим все опасности с гордо поднятой головой.

Пазаниус зашагал за своим бывшим командиром по мерзко хлюпающей земле к платформе. Пока они поднимались по ступеням, источник жалобных протяжных стонов обнаружил себя. Материалом для шпал, держащих железнодорожное полотно, послужила человеческая плоть — спрессованное месиво из конечностей, торсов, крови и слизи. Рты, распяленные или плотно сжатые, стонали, мычали, хрипели... Уриэль не увидел ни одного знакомого лица, но догадался, что это были воины Ультрамара, чьи души и тела все еще страдают.

Уриэля затрясло от ярости, и он, чтобы не потерять самообладания, прикрыл глаза...

Хрупкие кристаллы переменных мироздания столкнулись и завибрировали, разъединяя грани и перемещаясь для того, чтобы резонировать на других частотах. Эхо времени позволяло граням перемещаться и изменяться, искажая ангелов реальности, чтобы те позволили измерениям разъединиться и сложиться вновь во всех возможных вариантах.

...потом открыл их снова, испытав отвратительную дрожь во всем теле. В воздухе зарябило. Острые иззубренные выступы костяных остовов поднялись из земли, уходя корнями далеко в кровавые глубины, а люди-шпалы заплакали от новых мучений. В том месте, где рельсы исчезали в стене этого огромного помещения, кладка сочилась потоками разноцветной слизи.

Спирали мерцающего света исходили от стены, образуя огромную линзу. Казалось, что стена растягивается, словно некая сила пытается разорвать плаценту реальности. Когда же это произошло, не осталось ничего, кроме пульсирующего водоворота непроглядной тьмы, а дорога в ад была обрамлена ожерельем из пронзительно кричащих черепов, славящих смерть.

Варп и реальность сошлись здесь, соединились во времени и пространстве на бронзовых рельсах. На дороге, ведущей из Ниоткуда в Никуда, Омфал Демониум вызволил сам себя из небытия, чтобы обрести тело. Он выполз из своего дьявольского лона и ничего не принес с собой, кроме насилия и смерти.

Пророчество о пришествии Омфала Демониума свершилось.

Жалкий бред кенобита о пришествии Омфала Демониума ни в малейшей степени не передавал величие твари. Демон вселенского зла неся с ревом и хохотом из пасти только что образовавшегося туннеля на огромном поезде, и ад следовал за ним. Омфал Демониум неся по кровавым рельсам, приближаясь к двум остолбеневшим Космодесантникам.

Огромный паровоз с железными вагонами мчался к платформе, работая поршнями из костей, разбрызгивая кровь и расточая тысячи безгубых улыбок, — черепа скалились со всех поверхностей. Колеса грохотали по рельсам, поезд представлял собой совершенно невообразимое зрелище. Локомотив был очень похож на древний паровоз, как помнил Уриэль из курса истории Империиума, но приводился в движение, конечно, не углем, а темными силами варпа. Состав неся с таким грохотом, что отказывались служить все доступные человеку пять чувств. Звук многократно отражался от плоскостей, что существовали и

перекрещивались за гранью этой реальности.

За локомотивом шла цепь железных товарных вагонов, изъеденных ржавчиной, больше смахивающей на запекающуюся кровь. Уриэль знал, хотя никто и никогда не говорил ему об этом, что в этих адских вместилищах заперты миллионы душ, обреченных страдать вечно. Дьявольский двигатель сбавил обороты, локомотив стал тормозить с омерзительным скрежетом.

Уриэль услышал раскатистый хохот и противный лязг, когда отъехали двери товарных вагонов. Пар с шипением вырвался из-под панцирной шкуры Омфала Демониума, и злорадный смех грохотал, заставляя дрожать малиновые небеса. Запах мертвечины становился все плотнее и, казалось, обретал какую-то фактуру. Когда волна смрада докатилась до Ультрамаринов, Уриэль скомандовал:

— Приготовиться!

Неожиданно пелена дыма рассеялась, и рядом с бойцами из ниоткуда возникло восемь фигур, одетых в бесформенные робы и высокие сапоги. Кожа на руках монстров крепилась ржавыми скобками, а каждый из них нес множество жутких инструментов-ножей, серпов и пил на кожаных ремнях.

Их лица были похожи на человеческие весьма условно, поскольку кожа с них была содрана. При ближайшем рассмотрении обнаружилось, что лица вообще не имеют характерных черт, поскольку, кроме растянутых ртов с клыками, у этих существ не было ничего — ни глаз, ни ушей, ни носов.

— Демоны! — крикнул Уриэль. — Мерзкие выродки, ну, идите же сюда и примите смерть от моего меча!

Безглазые лица монстров плавно обернулись к нему, и теперь Ультрамарины могли во всех подробностях рассмотреть отвратительные тела, состоявшие из одних опухолей. Но ни одна из омерзительных тварей не шевельнулась. Дьявольский локомотив выдохнул облако пара, лязгнули открывающиеся замки, и толстая железная дверь распахнулась с пронзительным визгом. Исполинская фигура величаво ступила на платформу.

Гигант оказался на три головы выше Космодесантников, на нем был несуразный доспех, собранный из железных листов и толстых кусков вулканизированной резины. Поверх заржавевшего панциря он носил драный домотканый плащ, а на голове — корону с черненым рогом. Вернее, не на голове, а на шлеме, забрало которого было поднято. По дизайну и ветхости Уриэль узнал облачение. Это были невообразимо древние силовые доспехи, какие носили легендарные воины много тысячелетий назад. Казалось, это снаряжение за прошедшие века пропиталось злом и теперь источало запах крови и жженого мяса.

Из одного плеча великана торчал большой гвоздь со шляпкой в форме звезды, а на другом красовался символ древних противников Императора. И в душах Уриэля и Пазаниуса вскипел

праведный гнев, внушенный им капелланом Клозелем на ежедневных литаниях Ненависти. Дело в том, что ухмыляющийся череп с железным забралом был когда-то знаком Легиона, который сражался за Императора в Святые Времена, но теперь стал символом бесконечного горя и объектом лютой ненависти Ультрамаринов. Этот герб принадлежал к одной из самых смертоносных сил Вселенной — Космодесантникам Хаоса. Эти бойцы обладали поистине неопишуемой злобой и мощью.

— Железные Воины, — прошептал Уриэль.

— Изменники Истваана, — прорычал Пазаниус.

Гигант нес длинную алебарду с железным черенком и изогнутым лезвием. Оружие было все в бурых пятнах и зазубринах. Два желтых глаза, как два закатных солнца, горели под забралом шлема. Когда великан приблизился, отвратительные демоны без кожи отступили за его спину.

— Новые жертвы помогли мне снова развести огонь, кровь досталась на ужин безликим саркоматам, а плоть мертвецов пригодится мне, — проговорил он, и его голос отдавал скрежетом ржавого металла.

Он повелительным, нетерпеливым жестом пригласил Ультрамаринов присоединиться к остальным в чреве адского поезда.

— Пойдемте! — прогрохотал гигант. — У меня есть предложение: или вы подчиняетесь мне, или Забойщик пустит вас на мясо. Я — Омфал Демониум, и в моей власти распорядиться вашими жизнями. В случае отказа вы присоединитесь к тем страдальцам. — Он кивнул на шпалы. — А теперь пошли!

Уриэля замутило от близости посланника Хаоса. Неужели он действительно верит, что Ультрамарины пойдут на сделку с воплощением зла? Безликие демоны (которые, как понял Уриэль, и были саркоматами, о которых упомянул Омфал Демониум) отстегнули длинные зазубренные ножи с поясов.

— Отвага и честь! — выкрикнул Уриэль, прыгнул к ближайшему саркомату и распорол тому брюхо.

Меч Ультрамарина прошел сквозь тварь легко, но саркомат только мерзко захихикал и превратился в столб красного пара. Вентрис отшатнулся, но демон материализовался у него за спиной, и Уриэль оцарапался о лезвие его ножа. Другой саркомат кинулся к нему, метя ржавым ножом в его горло, Уриэль успел увернуться и бросился в новую атаку. Однако противник снова превратился в пар, поэтому удар не достиг цели. Уриэль потерял равновесие, и в этот момент другой нож пропорол ему скулу до кости.

— Стори, отродье Хаоса! — проревел Пазаниус и выпустил струю ослепительно белого пламени в гигантского Железного Воина. Струя раскаленного прометия ударила в нагрудник гиганта,

но очень быстро огонь стек и потух, не нанеся никакого урона.

Железный Воин разразился демоническим смехом, подхваченным эхом.

— Я был пленником, и меня поджаривали на огне целую вечность, а этот недоумок полагает, что может меня сжечь своей игрушкой!

Пазаниус отшвырнул огнемет и потянулся за болт-пистолетом, но в ту же секунду со скоростью, неестественной для такого нескладного тела, создание Хаоса кинулось вперед, сомкнуло почерневшие пальцы на шее сержанта и подняло его в воздух.

Уриэль рубил по саркоматам, но каждый удар меча ранил только пустоту, хихикающие облака красного пара просто перетекали с места на место. Улучив момент для удара ножом, демоны обретали плоть, чтобы сразу после этого превратиться в пар. Лицо Уриэля уже было залито кровью, и он понимал, что не сможет долго сражаться с таким противником.

Увидев, как гигант в заржавленном доспехе оторвал Пазаниуса от земли и легко зашвырнул его в железную дверь, Уриэль бросился на порождение Хаоса. Бессмысленно было сражаться с врагами, способными перевоплощаться по желанию, и капитан поклялся, что этот изменник давних дней погибнет от его руки. Уриэль поднял меч, собираясь нанести сокрушительный удар по Железному Воину, и лезвие меча окуталось полупрозрачными языками пламени. Это оружие могло с одинаковой легкостью пробить и доспех, и плоть.

Уриэль ударил врага прямо в грудь, но лезвие отскочило от толстых железных пластин доспеха. Уриэль занес меч для нового удара. Но еще до того, как он атаковал, Железный Воин нанес ему такой удар, что Вентрис отлетел и неуклюже рухнул на платформу.

Не успел он прийти в себя, как саркоматы окружили его и жадно протянули к нему свои черные пальцы. Уриэль чувствовал себя так, словно его обложили кусками гнилого мяса, кишашего жирными червями. Мертвая плоть монстров кусками отваливалась с их рук, а дыхание было смрадным до тошноты. Они мотали своими безглазыми головами из стороны в сторону, как будто принюхиваясь и стараясь определить, насколько он будет хорошей добычей для них.

— Похоже, ты нравишься саркоматам, Ультрамарин, — рассмеялся гигант, неторопливо подходя к нему. — Они являются воплощением морального и физического разложения. Возможно, они чувствуют определенное сходство с тобой?

Уриэль уже приготовился к смерти, когда один из саркоматов подобрался своим клыкастым ртом к его обнаженной шее, но Омфал Демониум, похоже, имел свои виды на этого Ультрамарина, и простое уничтожение в эти планы не входило. Он раздраженно прикрикнул, и отвратительные демоны суетливо потащили капитана в чрево огромного железного поезда.

Запах раскаленного воздуха и горелого мяса опять вызвал спазм в желудке Уриэля, но на сей

раз вовсе не это беспокоило его. Бравый Ультрамарин понял, что теперь влип по-настоящему.

Глава 3

Кровь...

Отвратительный тошнотворный запах проник через ноздри и застрял в горле горьким комком с металлическим привкусом. Уриэль вдыхал запахи крови и горелой плоти, что окружали его. Глаза заслезились от этой резкой вони, прежде чем третье прозрачное веко успело прикрыть и защитить поверхность глазных яблок.

Уриэль сморгнул неожиданно выступившие слезы, вырываясь из рук саркоматов и пытаясь адекватно оценить окружающую обстановку, хотя было понятно, что все видимое имеет мало общего с реальностью. Это пространство не желало соответствовать человеческим понятиям об измерениях. Уриэль осмотрелся по сторонам — красные своды пещеры, теряющиеся в дыму. Картина, представшая перед его взором, противоречила всем его представлениям о геометрии и пространстве, но в одном «конце» помещения можно было видеть огромную топку с широко распахнутыми створками, а в другом — цепи, блоки и ржавые крючья с насаженными на них человеческими телами.

Уриэля и Пазаниуса протащили мимо контейнеров, доверху заполненных плотью, каждый из которых по размерам превосходил боевой танк. Тут и там возвышались горы гниющих трупов. Уриэль увидел, как два саркомата подхватили обезглавленный человеческий торс и бросили его в топку.

Гигант в силовом доспехе Железных Воинов потащил туда Пазаниуса. Огромный сержант был совершенно беспомощен против такой силы.

— Нет! — вскрикнул Уриэль, когда увидел, как Омфал Демониум отбросил свою огромную алебарду и легко поднял Пазаниуса одной рукой, одновременно подтягивая свободный крюк. Железный Воин не обратил на этот возглас ни малейшего внимания и вогнал ржавый крюк в спинную пластину силового доспеха сержанта.

Уриэль боролся как загнанный зверь, но саркоматы подхватили его и вздернули на крюк. Ультрамарин стиснул зубы, чтобы остановить рвущийся из горла крик, когда острый наконечник легко прошел сквозь доспех и вонзился между лопаток. Саркоматы злобно зашипели и отступили назад.

Металлический стон мощных поршней раскатился эхом по невероятному сооружению, клапаны засвистели и выпустили зловонные облака пара, а через решетку железной топки неровно замерцали голубые и зеленые языки пламени. Вопли невидимых мучеников смешались с радостным хохотом саркоматов, и Уриэль подумал о том, что вряд ли можно представить себе более полную картину ада.

Омфал Демониум наблюдал за их страданиями и бессильной яростью, потом подошел к Уриэлю и взял его за подбородок рукой в латной перчатке. Космодесантник почувствовал запах жженого мяса. Это создание... Действительно ли это Железный Воин или некая демоническая сущность, обретшая теперь плоть? Омфал Демониум приблизил лицо, обдав Ультрамарина смрадным дыханием, как из вскрытой могилы. Уриэль попытался хотя бы пнуть его как следует, но керамитовые подошвы отскочили от древних доспехов, не нанеся никакого вреда.

— Ты только зря тратишь силы, Ультрамарин. Ты не можешь навредить мне. Судьбой тебе не начертано такой чести. Сохрани лучше энергию для мира железа. А там, я тебе обещаю, ты найдешь ей применение.

— Убери свои грязные лапы от меня, ты, мерзкий ублюдок! — рявкнул Уриэль, пытаясь вырваться, несмотря на жгучую боль от впивающегося в спину крюка.

— Сопротивляться бесполезно, — сказал Омфал Демониум. — Я прошел дорогой крови между реальностями. И путь этот длился бесчисленные вечности, и, в конце концов, мне открылась суть всех вещей в этом мире. Теперь я знаю, что было, что есть и что грядет в будущем. Я убил тех, кто еще не родился, изменил еще не свершившуюся историю и прошел по дорогам, неведомым не только смертным, но и богам. Неужели ты думаешь, что можешь противиться моей воле?

— Император не оставит нас и во мраке смерти, — начал молиться Уриэль.

Омфал Демониум ударил его наотмашь по щеке. От удара Уриэль отлетел и стал раскачиваться на крюке, еле сдерживая стоны. Крюк все глубже и глубже входил в его плоть.

— Молитвы твоему дохлому богу здесь никому не интересны, как, впрочем, и везде. Он себе-то помочь не в состоянии, какое ему дело до тебя?

— Ты лжешь, — выпалил Уриэль. — Власть Императора вечна!

— Вечна? — проворчал Омфал Демониум. — Не бросался бы ты такими фразами, ведь еще толком ничего не видел в этой жизни, а уже болтаешься на крюке, беспомощный, и сходишь с ума от боли.

Бешеные желтые глаза Омфала Демониума обожгли Уриэля, и он увидел в них безумие и страдание.

— Кто ты? — спросил Уриэль после долгого молчания. — И чего ты хочешь от нас?

Омфал Демониум отвернулся и отошел. Саркоматы закончили швырять в топку расчлененные тела.

— Сейчас это не важно, — сказал Омфал Демониум, подтягивая толстую цепь, что висела за топкой, и дергая за огромный ржавый рычаг. — А значение сейчас имеет только то, что вы находитесь здесь и уже не можете свернуть с пути, предначертанного вам судьбой.

Уриэль почувствовал, что помещение содрогнулось, как только великан до предела вдавил рычаг. И жуткий конвейер пришел в движение. Когда крюк провернулся между лопатками, в глазах Уриэля потемнело. Он не мог ни о чем думать, потому что в желудке появилось знакомое ощущение — так бывало всегда при переходе в варп-пространство. Может быть, эта адская машина каким-то образом манипулировала пространством? И не так ли Омфал Демониум смог перехватить «Гордость Калта» и отдать людей, путешествующих на нем, в цепкие объятия Имматериума?

Уриэль уже знал, что о подобных вещах лучше не задумываться. Если задавать себе такие опасные вопросы, то можно сойти с ума. Муторное ощущение в желудке усиливалось, и Вентрис стиснул зубы от нарастающей боли. Омфал Демониум снова поднял алебарду.

— Куда ты собираешься нас забрать? — прохрипел Пазаниус.

— Туда, куда вы направлялись, — ответил гигант. — Я прекрасно осведомлен о смертельной клятве, что привела вас сюда. Повелитель Черепов знает, с кем стоит вести дела.

— Ты, отродье Хаоса! — прорычал Уриэль. — Ты просто омерзителен, но я уверен, что скоро смогу полюбоваться твоей кончиной!

— К сожалению, вынужден вам сообщить, что сначала ваши черепа будут возложены к подножию трона Кровавого Бога. И я уже видел вашу смерть, не желаете ли полюбопытствовать?

— Слова демона — всегда ложь! — выкрикнул Пазаниус. — И я не поверю ни одному твоему слову.

Омфал Демониум стремительно взмахнул алебардой, и лезвие сверкнуло у горла Пазаниуса. Кровь потекла из неглубокой царапины на шее сержанта.

— Ты, как я посмотрю, ищешь смерти, Ультрамарин, и я бы с удовольствием вынул из тебя душу, но сначала мне хотелось бы отодрать плоть от костей и насладиться твоим диким визгом, а потом обмотать то, что останется, твоими же внутренностями. Но я прекрасно знаю, что смерть, которая ожидает тебя, будет гораздо страшнее той, что я придумал. Твою голову ожидает великая честь — оказаться в огромной горе черепов, что так радует взор Кровавого Бога.

Пространство содрогнулось еще раз, сильнее. Уриэль испытал такую боль, как будто раскаленные спицы пронзили его мозг насквозь.

— И вообще-то вам стоило бы поблагодарить меня за возможность пройти теми дорогами, о которых уже много тысячелетий никто не смеет даже подумать, — добавил Омфал Демониум, воздев руки и раскатисто захохотав. — Мы будем путешествовать по кровавой железной дороге. А в конце нас ожидают Кровавое Сердце и Демонкулаба.

И дьявольский локомотив, будто в подтверждение его слов, взревел и загрохотал так, что ткань реальности не выдержала и с треском разорвалась.

Уриэль пронзительно закричал, потому что Космос завибрировал, и поток варпа захлестнул его. Арена, дьявольский локомотив, топка, Пазаниус — все свернулось само в себя, потеряло очертания и всякий смысл. Все исчезло, все было смято и смыто. В следующую секунду Вентрису показалось, что его разорвало на тысячу мельчайших кусочков, которые разлетелись по Вселенной, но в то же время не чувствовал себя разделенным, напротив, никогда прежде он не испытывал такой полноты существования.

Лица и судьбы проплывали перед ним через море небытия. И он сам не ведал, почему узнает их. Миры и люди, люди и миры стремительно проносились мимо него непрерывной чередой и уходили в никуда, но Уриэль успевал рассмотреть каждую деталь и запомнить ее навсегда. Время как будто остановилось — и время как будто ускорилося. Оно раскалывало застывшее пространство с мелодичным звуком, и было слышно, как трещат реальности, перемещаясь подобно тектоническим плитам.

Уриэль видел, как дьявольская машина ввинчивается в разломы между измерениями, следуя по змеиной дорожке, что петляет между слоями бытия.

Он увидел миры, задушенные ядовитыми испарениями, где люди были вынуждены ходить в скафандрах и влачить жалкое существование. Они были мрачными и вялыми, и им не приходило в голову хотя бы закричать от боли, что приносила им эта беспросветная, бессмысленная жизнь.

Сердце Уриэля екнуло, когда это видение сменилось следующим. Мир предстал перед ним во всем своем величии: заснеженными горами, синими океанами и золотыми восходами. И этот дивный мир умирал, мир был объят огнем, уничтожавшим все живое, и ветер носил пепел сожженных людей. Уриэль сейчас не помнил собственного имени, но с ужасом узнал этот уголок Вселенной. Он увидел, как от страшного жара испарились водопады Геры. Прекрасное здание Храма Исправления превратилось в груды обломков. Демоны резвились в Святылище Примарка, вгрызаясь в Его праведную плоть и оскверняя Его божественное тело. На глаза Уриэля навернулись слезы, а в душе вскипел гнев. Он был совершенно беспомощен и не мог излить свою ярость на тех, кто принес зло и страдание на его Макрэйдж.

Черные воюющие создания укрыли собой адскую машину, и невидимые охранники небытия, скользящие в пространстве, провели поезд через разломы в реальности. Чудовищный локомотив неся с огромной скоростью по кровавому пути целую вечность. Охранники бездны кормились душами дураков, что случайно вторглись в эту область мироздания. Безумцы, сунувшие нос в запретную магию и сумевшие открыть врата между измерениями, были их пищей.

Окровавленные рельсы вели сквозь невозможные, немислимые, несусветные миры. Миры, жившие только благодаря машинам, миры, порожденные злом, миры, охваченные сумасшествием, миры Хаоса, миры безумия и миры смерти. Все было здесь. Любое знание, которое порождало новую область возможностей, могло быть обретено здесь. И Уриэль чувствовал даже физически, как разнообразная информация переполняет его готовый лопнуть от боли мозг.

Сила, что удерживала до сих пор его хрупкий разум от полного разрушения, утекала, как песок сквозь пальцы. Теперь душой Вентриса овладело осознание пустоты существования и бессмысленности каких бы то ни было действий. Капитан, несмотря ни на что, отчаянно сражался с этим безумием и изо всех сил старался сохранить ясность мысли.

Его звали Уриэль Вентрис.

Он был воином Императора, поклявшимся защищать Его владения до последнего вздоха.

Он был Космодесантником.

Его воля негибаема, его целеустремленность и решимость намного сильнее, чем у любого другого смертного. Он оказался в чреве мерзкой твари, но он не даст так просто себя сожрать.

Он был... Кем? Его сознание блекло, и сила Хаоса овладевала им, несмотря на защиту адской машины. Уриэль осознал, что безумие, разрушившее душу и разум многих смельчаков, решивших проникнуть сюда, уничтожает теперь и его. Он боролся изо всех сил, пытаясь сохранить здравый рассудок, в то время как перед его глазами проносилась вся его жизнь. Перед ним прокручивались все возможные варианты того, как она могла бы сложиться. Видения из возможного заставляли Уриэля сдерживать дыхание...

Он видел себя морщинистым стариком, он видел себя юношей, распростертым на простой кровати,

Который так и не стал

новобранцем, окруженным многочисленными опечаленными родственниками.

Он был стройным и поджарым. Рядом стоял и его сын, такой же темноволосый, мускулистый — фермер, привычный к тяжелому труду. Он был выше своего отца, и у него был взгляд воина.

своим на земле родного

Сердце Уриэля наполнялось гордостью и сожалением одновременно:

Калта. Черты его лица были мягкими, но на них отпечталось

гордостью за своего сына и сожалением

сожаление, что

о том, что этот жизненный путь он никогда не смог бы избрать для себя...

этот жизненный путь он никогда не смог бы избрать для себя...

Образы обоих поблекли в его сознании, хотя он страстно желал увидеть еще, чтобы узнать, в какой же миг он совершил поворот и прожил свою жизнь иначе. Но ему не суждено было узнать это, и новое видение предстало без разрешения перед его глазами.

Павонис.

Дорога Черных Костей.

Тарсис Ультра.

Медренгард.

Что это за места? Как звали людей, что жили там? Это воспоминания или фантазии? Бывал ли он когда-нибудь там? Жил ли он там? Остались ли там его друзья? Он чувствовал вкус каждого слога в названиях, но не понимал их значения, хотя и сознавал, что должен знать их. Кроме... кроме последнего, которое вызывало смутные... воспоминания? Оно обладало привкусом каленого железа и резко пахло то ли пеплом, то ли нефтью. В нем Уриэлю слышались рев громадной топки и стук поршней адской машины.

Эта реальность была чужда ему. Но что мешало ей вторгнуться без приглашения в его рассыпающееся сознание? Враждебная действительность определяла его мироощущение, занимая все больше места и вытесняя все остальное. Внезапно это наваждение исчезло, но было поздно — его разум не выдержал испытания.

Больше ничто не имело смысла. Все исчезало под напором информации. Он не мог больше удерживать в уме никакие логические цепочки. Он чувствовал, как его мысли клубятся, подобно мириадам пчел. Эта скорость не давала возможности опомниться. Уриэль далеким уголком сознания улавливал, что безумие врывается в его мозг, но не мог ничего сделать. Оно убивало разум и развращало душу, но самым страшным было то, что даже если он и переживет это, то никогда уже не сможет избавиться от его ядовитой печати.

Голос, который раздался в голове Уриэля Вентриса, был гласом создания, живущего вне

реальностей, вне измерений, вне времени, вне пространства:

— Не бойся, Ультрамарин. Это путешествие ничуть не страшнее и не опаснее жизни обычного смертного. — Голос растаял в реве адской машины. Значит, Уриэль вновь возвращался в какую-то отдельную реальность. — Тем более что оно уже подходит к концу.

Уриэль сделал глубокий вдох. Его сердце, казалось, вот-вот разнесет своими сильными ударами грудную клетку. Кровь шумела в ушах, лицо пылало, а из глаз текли слезы. Уриэль прикусил язык и почувствовал во рту привкус железа. Капитан сплюнул и вдохнул запах дыма, нефти и прочей индустриальной вони. Ему хотелось полежать неподвижно несколько секунд и попытаться понять, где же он находится. Прямо у него над головой простерлась ослепительно белая полоса. Он напрягся, чтобы вытереть запекшуюся кровь с лица. Его ладонь проплыла перед глазами, и он был поражен расплывчатостью ее очертаний. Уриэль вдруг неожиданно почувствовал, что падает, и, вскрикнув, стал лихорадочно ощупывать пространство вокруг себя, выискивая точку опоры.

Его руки скользнули по глинистой поверхности, усыпанной металлическими стружками, и он понял, что лежит на спине и смотрит в небо. Мертвое небо... Оно было пустым и невыразительным, без единого облачка или пятнышка, и эта пустота сразу убивала какие бы то ни было надежды. Все тело Вентриса болело, мышцы были напряжены до предела, а меж лопаток угнездилась изматывающая жгучая боль. Мысли Уриэля были в полном смятении, и он с трудом складывал по кусочкам то, что произошло с ним за последнее время.

Неимоверным усилием воли он заставил себя повернуть голову и увидел, что Пазаниус лежит рядом и его неудержимо рвет. Лицо его друга было настолько осунувшимся и искаженным, как будто вся тяжесть мира опустилась на его плечи.

— Встать! — приказал чей-то скрипящий голос, и тут же на Уриэля обрушился поток воспоминаний: демон, адская машина...

Собрав все силы, он попытался подняться, но его измученное тело слушалось плохо, и все, что ему удалось сделать, — это, перевернувшись на живот, встать на колени. Перед ними возвышался Омфал Демониум, исполинский и безобразный, облаченный в древний силовой доспех. За его спиной виднелся огромный дверной проем, из которого лился красный мерцающий свет адской машины.

Он стоял, провалившись в пыльную землю до щиколоток, и держал свою алебарду наперевес. Меч Уриэля, болтер и огнемет Пазаниуса покоились неподалеку на выступе скалы. Белый свет мертвого неба бликовал на надраенных наплечниках силового доспеха Омфала Демониума. И Уриэлю показалось, что ухмыляющийся череп скалился еще злораднее, чем ранее.

— Вам не мешало бы поторопиться, Ультрамарины, — пророкотал демон и хохотнул. — Здешние призраки вскоре услышат удары ваших сильных сердец. Вкусные кусочки, вроде вас, не могут долго оставаться незамеченными.

— Кто это? — наконец выдавил Уриэль, пытаясь скоординировать свои движения и все-таки подняться.

— Монстры, — ответил гигант.

— Монстры? — переспросил Уриэль, затем собрался, сжал зубы и рывком поднялся на ноги.

Пазаниус тоже заставил себя выпрямиться и встал с ним рядом, плечом к плечу. Лицо его было смертельно бледным, но злым.

— Это тела убийц, Мортиции их заштопали и заселили в них тех, кто был убит руками этих безжалостных душегубов, — пояснил Омфал Демониум. — Они охотятся в горах, и вы узнаете их по ужасным крикам, от которых ваши жалкие душонки уйдут в пятки.

— Где мы? — спросил Пазаниус. — Куда ты нас привез?

— Вы на Медренгарде, мире железа, — ответил Омфал Демониум, глядя за спины еле живых Ультрамаринов. — Это владения примарха Пертурабо. Разве вы не чувствуете его злобу, разлитую в воздухе? Разве не ощущаете ярость того, кто когда-то сражался рядом с богами, а теперь выброшен и вынужден обитать за границами мира, который защищал. Взгляните на эту планету из пепла, и вы тоже познаете отчаяние.

Уриэль обернулся и проследил за взглядом Омфала Демониума, и у него перехватило горло при виде безжизненного ландшафта, что предстал перед ним.

Ультрамарины стояли на высоком горном плато, и перед ними расстилалась широкая долина, совершенно не пригодная для жизни. Насколько хватало глаз, была видна только мрачная степь. Это был мир смерти. Недавно Уриэль думал, что душное нутро адского паровоза и есть преисподняя, но это было не более чем прелюдией к новому душераздирающему зрелищу. Индустриальный город занимал, по-видимому, добрую половину этой планеты. Кругом высились стальные остовы фабрик и заводов, горы угля и рыжевато-красного шлака и высокие, изрыгающие огонь трубы. Дымное ядовитое марево висело над поверхностью планеты. Звуки тяжелых ударов и лязг металла разносились на сотни километров.

Уриэль уже видел загрязненные промышленные миры с непригодной для дыхания атмосферой, где работали миллиарды тружеников. Они задыхались на грязных планетах, покрытых сажей и копотью, но их миры казались райскими садами по сравнению с Медренгардом.

Нога Уриэля ступала даже на мир-кузницу Адептус Механикус, оплот последователей Бога-Машины. Тогда Вентрис был просто поражен и впал в благоговейный ужас перед совершенством их технологий. Но тот мир рядом с Медренгардом казался не более чем захолустной деревенькой кузнецов и ремесленников.

Реки расплавленного металла текли подобно потокам лавы, и зловещие тучи окутывали каждое здание, а трубы изрыгали смертоносные пары.

Над всем этим возвышалась длинная горная цепь. Скалы чернели оспинами шахт, казалось, что их вершины вонзаются в мертвое небо, и каждая из них превышала самую высокую гору на Макрэйдже. Уриэль чувствовал, как его кровь стынет по мере того, как взгляд поднимается на эту невообразимую высоту. Он смотрел, как нити ядовитого черного смога струятся из скал и тянутся вверх.

Внезапно Уриэль с ужасом осознал, что в темных глубинах этого горного хребта скрыт и живет своей жизнью огромный мегаполис. Город, расположенный по большей части под землей, чьи куполообразные крыши выступают на поверхности, как волдыри на обожженной коже; отвратительный аванпост зла, вызывающий непреодолимые брезгливость и страх у любого живого существа. И все же здесь наблюдалась если не жизнь, то некое существование — меж строений передвигались прихрамывающие привидения в лохмотьях.

— Ненависть... Сколько здесь ненависти и страданий!

— Да, — сказал Омфал Демониум, — Ты и не представляешь, какая роскошная горечь исходит от тебя, я просто упиваюсь ею. Это место отравлено тысячелетиями ненависти, и здесь живет племя, которое ненавидит, жаждет мести и знает, что придет тот день, когда Император заплатит за все их мучения.

Уриэль закрыл глаза, чтобы хоть как-то отрешиться от этого кошмара. Было ясно, что шаг по направлению к этому отвратительному городу будет обозначать смерть. Но Уриэль не мог не признать, что увиденное им обладает особым величием.

Осознание бессмысленности бытия перед лицом этого безымянного ужаса было невыносимо. И Уриэль поднял взгляд к мертвому небу — ему было легче смотреть туда, нежели на зловещий город, вид которого вызывал смятение в разуме и боль в душе. Зловещие черные башни дыма извивались и растворялись в небе, даже они не в силах были заполнить его пустоту.

Огромное черное солнце, чей лик был так темен, что невозможно было смотреть долго, — казалось, оно высасывало душу любого существа, попавшего под его лучи.

Пазаниус судорожно всхлипнул, и Уриэль совершенно не удивился, почувствовав, как по его щекам заструились слезы.

— Император защитит нас, — прошептал Уриэль. — Это...

— Да, — сказал Омфал Демониум. — Это место, которое вы называете не иначе, как Око Ужаса.

— Но почему? — спросил Уриэль, сглотнув и с трудом отрывая взгляд от страшного солнца. —

Почему сюда?

— Конечная станция. Это то место, где вам суждено исполнить данную вами смертельную клятву.

— Я не понимаю, о чем речь.

— Это не имеет значения. Тут находится то, что вы так стремитесь уничтожить, — Демонкулаба. Это место спрятано во мраке, далеко от людских глаз, в великой крепости, созданной из безумия и безысходности.

— А почему ты привез нас сюда? — спросил Уриэль, к которому стало возвращаться самообладание. — С чего это вдруг порождение Хаоса ищет у нас помощи и поддержки?

Омфал Демониум расхохотался своим звучным, но каким-то истеричным смехом и сказал:

— С того, что ты, Уриэль Вентрис, выполнишь мое приказание.

— Никогда! — выкрикнул Уриэль. — Да я скорее умру, чем буду помогать такой скотине, как ты!

— Не исключено, — согласился гигантский воин. — Но я удивлен, что ты хочешь пожертвовать всем, что у тебя есть, только из нежелания повиноваться мне. Все, чем ты уже пожертвовал в своей жизни, все, ради чего ты проливал свою кровь, будет уничтожено, если ты все-таки осмелишься послушаться меня.

— Ты лжешь! — воскликнул Пазаниус.

— Глупые смертные! Какой мне смысл врать? Архитектору Судеб хватает лжи в его мироздании, а Повелитель Черепов не примет подобных отговорок. Я знаю, что вы видели в пути: будто ваш мир охвачен адским пламенем, люди мертвы и их пепел летит по ветру. И я вполне могу все это устроить, — пообещал Омфал Демониум и, тяжело ступая, подошел так близко, что его алебарда уперлась в грудь Уриэля. — Вы видели один из возможных вариантов развития событий. Можете не сомневаться, что ваша бесценная планета скоро погибнет, а последнее, что там будет слышно, — это вопли и рев пожара. В это вы верите?

Уриэль пристально посмотрел в желтые глаза сумасшедшего демона и ни на йоту не усомнился в том, что Омфал Демониум способен легко устроить все это: и разрушенный Макрэйдж, и стертый с лица небес Ультрамар.

— Да, я верю тебе, — сказал Уриэль после некоторого молчания. — Что мы должны сделать?

— Капитан, что я слышу! — воскликнул Пазаниус.

— Мой друг, боюсь, у нас нет выбора.

— Да ты соображаешь, что говоришь? — воскликнул Пазаниус, который не мог поверить, что такие слова произносит его верный, не раз проверенный боевой брат. — Что бы этот негодяй ни приказал нам сделать, это может послужить только злу. Ты подумал о последствиях, если мы подчинимся демонической силе? Я могу только одно сказать — ничего хорошего не предвидится!

— Я все это прекрасно понимаю, Пазаниус. Но разве мы можем поступить иначе в этой ситуации? Ты хочешь увидеть уничтоженный Ультрамар? Или крепость Геры, от которой остались одни руины?

— Нет, конечно же, нет, но...

— Послушай, Пазаниус, — сказал Уриэль спокойно. — Доверься мне. Ты ведь доверяешь мне?

— Ты прекрасно знаешь, что это так, — запротестовал Пазаниус. — Я всегда спокойно мог доверить тебе свою жизнь, но то, что ты предлагаешь сделать сейчас... Это полное безумие!

— Ты должен довериться мне и сейчас, — сказал Уриэль с нажимом.

Пазаниус открыл было рот, чтобы привести новые возражения, но встретился глазами с Уриэлем и просто коротко кивнул.

— Хорошо, — сказал он грустно.

— Отлично, — прошипел Омфал Демониум, упиваясь их поражением. — Высоко в горах, на юге, за много лиг отсюда находится крепость, и ее комендант прячет кое-что в самом секретном подземелье. И это «кое-что» принадлежит мне! Ваша задача — найти эту вещь и принести ее мне.

— Что это за вещь? — спросил Уриэль.

— Это Кровавое Сердце, и оно представляет ценность для меня. Вот и все, что вам надо знать.

— А как оно выглядит? Как мы узнаем, что это именно то, что тебе нужно?

Омфал Демониум усмехнулся:

— Вы непременно узнаете эту вещь, как только увидите.

— Но почему для этой миссии ты решил привлечь именно нас? — спросил Пазаниус. — Если это так для тебя важно, то какого черта ты сам не достанешь эту штуку?

Помолчав мгновение, Омфал Демониум пророкотал:

— Я видел ее у вас в руках. Судьбой предначертано, что вы сможете добыть ее. Хватит вопросов.

Уриэль кивнул, и в этот момент издалека донесся пронзительный крик.

Омфал Демониум тоже услышал это и, небрежно кивнув, развернулся и зашагал к прямоугольнику красного света, обратно в адский локомотив, к безликим саркоматам.

Когда он подошел к светящемуся дверному проему, то бросил через плечо:

— Призраки летят сюда. Они слышат, как бьются ваши сердца, и жаждут разорвать их на мелкие кусочки. На вашем месте я позаботился бы о том, чтобы избежать встречи с ними.

— погоди! — крикнул Уриэль, но Омфал Демониум шагнул в дверь, и Космодесантникам ничего не осталось, кроме как проводить взглядом адский локомотив.

Свинцовая тяжесть легла на душу Уриэля, когда исчез Омфал Демониум, и Ультрамарин упал на колени. Пронзительные крики стали громче и ближе. Вентрис посмотрел на мертвое небо и увидел стаю странных силуэтов, ритмично взмахивающих крыльями. Они стремительно снижались к ним с высоких горных пиков.

— Какого черта?! — воскликнул Пазаниус, глядя на небо.

— Призраки, — сказал Уриэль, бросаясь к скале, где лежало его оружие.

— И что мы будем делать? — поинтересовался сержант, пристегивая болтер к поясу и перебрасывая огнемет через плечо.

— Надо бежать, — ответил Уриэль.

А безумная визгливая стая устремилась к ним.

Черные силуэты на белом небе с пронзительным воем спускались с высоких гор, пикируя прямо на Космодесантников. Исступленные призраки наполнили смрадный воздух воплями и причитаниями. В каждом крике явственно слышалось невыносимое страдание.

Уриэль окинул взглядом плато в поисках убежища. Сама идея бегства была ему до глубины души противна, но он верил, что Омфал Демониум не соврал, предупреждая их. Ультрамаринам предстояло сделать все возможное, чтобы избежать встречи с этими тварями. Причем действовать нужно было как можно быстрее.

— Уриэль, смотри! — указал Пазаниус на отдаленный крутой склон горы, где просматривался узкий лаз. — Туда! Я не думаю, что они смогут пролезть в эту щель.

— А мы успеем туда добежать? Кстати, тебе не кажется, что мы сами вряд ли туда пролезем?

— Что ж, у нас есть только один способ это проверить, — коротко бросил Пазаниус и начал взбираться по каменной осыпи.

Уриэль сжал крепче рукоять меча и побежал следом за Пазаниусом, стараясь дышать неглубоко в этой отравленной атмосфере. Его спина горела огнем, но усилием воли он задвинул боль на край сознания. Щебень осыпался под ногами, горы шлака и лома преграждали им путь. Поразительная сила Пазаниуса давала ему возможность взбираться по склону, хотя и с трудом, но ноги Уриэля глубоко проваливались в сыпучую почву, и он все больше отставал от боевого брата.

Жуткие крики, полные смертельного голода и жажды, подхватывались эхом в горах. Капитан отважился бросить взгляд через плечо, и в этот момент первый призрак спикировал на него.

— Уриэль! — крикнул Пазаниус, который уже стоял на скальном выступе прямо над ним. — Влево!

Уриэль кувырнулся влево очень вовремя, и ужасная тварь, чьи кованые крылья были снабжены железными когтями, взрыла щебенку как раз на том месте, где только что стоял воин. Отважный Ультрамарин со всей силы пнул создание Хаоса, и оно, хлопая крыльями, покатилося вниз по склону. Тварь выглядела как огромный глубоководный скат: внешний скелет состоял из железа и плоти, которая крепилась к металлу грубыми стежками. Ее «лицо» было искажено жуткой гримасой, а рот, распахнутый в крике, зловеще поблескивал сотней зубов, острых как иглы.

Еще три адские твари устремились вниз. Они так широко разевали свои хищные пасти, что кожа у них на загривках собиралась в складки. Призраки били крыльями по воздуху, пытаясь притормозить свое стремительное падение и атаковать Уриэля. Тот, которого он сбросил со склона, опять поднялся в воздух, но летел с трудом, поскольку одно из крыльев у него было повреждено. Но это не помешало монстру вновь напасть на Космодесантника, в то время как другие уже добрались до него, и их ужасные зубы заскрежетали по силовому доспеху.

Пазаниус выстрелил в призрака, который первым атаковал Уриэля, но болт прошел рядом с телом чудовища и не задел его. Уриэль умудрился вцепиться в скользкую плоть монстра и отодрать тварь от своего доспеха. Прямо перед глазами отважного капитана возникла выпуклая морда, перекошенная злобой и мукой. Он ударил кулаком прямо в клацающую челюсть, полную острых зубов, и почувствовал, как его рука прошла сквозь туго натянутую кожу. Издалека, как будто из другой реальности, раздался крик Пазаниуса:

— Назад!

Жуткое создание билось в руках Уриэля, а другие собирались атаковать. Капитан с силой пропихнул вторую латную перчатку в страшную рану на склизком теле и сорвался со склона, не удержав равновесия. Он схватился за края раны с двух сторон и одним могучим рывком сорвал плоть с железного каркаса, ощущая на подсознательном уровне ликующую радость освобожденной души.

Счастливый крик и пульсирующая вспышка вырвались из чудовища, убитого Пазаниусом. В руках Уриэля осталась только бесформенная груда истерзанной плоти и останки металлического скелета. Он отбросил их в сторону и поднял глаза вверх, где призраки продолжали нарезать круги. Космодесантник нанес удар мечом по ближайшему монстру. Призрак забился в предсмертных конвульсиях, и из его зубастой пасти вырвался вздох облегчения.

Последний монстр спикировал на Ультрамарина, но тот подпрыгнул, раскрутив меч так, что лезвие стало похоже на диск, — и разрубил тварь пополам.

Уриэль услышал новый крик, преисполненный радости обретенной свободы, и взглянул на Пазаниуса, выстреливающего сгустками прометия из огнемета, чтобы отпугнуть других монстров и не дать им возможности подобраться поближе.

— Давай быстрее! — крикнул Пазаниус. — Я не знаю, как долго смогу их удерживать на безопасном расстоянии.

Уриэль вложил меч в ножны и прихватил парочку длинных железных когтей, оставшихся от некогда смертельно опасной твари. И вновь стал подниматься по осыпающемуся склону.

Он втыкал эти стальные костыли в сыпучую землю, используя их как опору. Это помогло Уриэлю подняться наверх без особых усилий, в то время как Пазаниус с помощью огнемета удерживал летучих уродов на почтительном расстоянии.

Как только капитан добрался до выступа, где стоял его верный товарищ, и повалился на спину, чудовища снова перешли в нападение. Уриэль выхватил меч и разрубил первого приблизившегося призрака. Воин вновь испытал странное, неведомое до сего дня удовлетворение, когда услышал еще один предсмертный крик, преисполненный благодарности. Остальные твари погибли от прометия, смеясь как дети, когда их души покидали горящую плоть.

Оба Ультрамарина слаженно отступали к намеченному укрытию. Призраки продолжали атаковать. И хотя Ультрамарины уничтожили уже больше дюжины, было видно, как неисчислимые стаи тварей кружились в мертвом небе вокруг горных вершин. Достаточно было одного взгляда, чтобы понять: если Космодесантники не найдут надежного укрытия как можно скорее, они — покойники. Их шансы выжить уменьшались с каждой секундой. Было бы глупо надеяться выстоять против такого количества врагов.

Уриэль, оглянувшись, попытался оценить надежность ущелья — его ширину и то, насколько глубоко оно уходит в тело горы. Стаи монстров кружили, снижаясь, и оба Ультрамарина молили Императора, чтобы кровожадные твари не смогли пробраться в эту щель за ними.

— Я не могу даже предположить, куда эта дорога приведет нас, — засомневался Уриэль.

— По-моему, сейчас уже все равно! Или нет? — прокричал в ответ Пазаниус, по лицу которого ручьями лилась кровь из ран, оставленных железными когтями. — У нас, похоже, не такой уж богатый выбор.

— Ну, тогда выпусти по ним еще одну струю — и ноги в руки, понял?!

Пазаниус, поморщившись, кивнул и крикнул:

— Двигай!

Он выпустил струю горящего прометия в монстров, кричащих от боли и счастья одновременно, а Уриэль рванул к укрытию, которое представляло собой узкий лаз в черном гладком базальте. Сдирая краску с доспехов, капитан протиснулся внутрь и вознес молитву о прощении духам оружия за то, что был вынужден так неосторожно, обращаться со своим обмундированием.

Пазаниус забрался в щель с еще большим трудом, чем его боевой брат. На какое-то мгновение им показалось, что они загнали себя в ловушку.

— Черт, узковато тут, — проворчал Пазаниус, но по его голосу чувствовалось, что он просто так не сдастся.

Яростные крики раздались у них прямо над головами, и Уриэль увидел множество чудовищных силуэтов там, где бледнела узкая полоска неба.

И в тот же миг послышался скрежет когтей по камню. Монстры, сдирая кожу и мясо с железных костей, протискивались в щель. Их крики отдавались эхом в замкнутом пространстве, и было такое ощущение, что их тут тысячи. От них исходили волны неистового голода и жажды, которые вряд ли способна утолить кровь двух человек. Уриэль резко ударил мечом снизу и насадил на лезвие одного урода.

В это время еще несколько тварей сумели протиснуться в щель. Они дрались между собой, беспощадно били друг друга железными крыльями и рвали зубами, пытаясь первыми добраться до добычи.

Поскольку использовать огнемёт в таком ограниченном пространстве было совершенно невозможно, Пазаниус хватал омерзительных тварей и рвал их голыми руками. Он со злобным рычанием сдирает кожу и ломал железные кости; Уриэль рубил мечом направо и налево. Воздух был наполнен звуками рвущейся плоти, стонами боли и криками радости. Так кричали создания, отмучившиеся в этом жутком воплощении, чьи души обретали свободу.

— Не останавливайся! Иди вперед! — крикнул Пазаниус в секунду кратковременной передышки между жестокими атаками.

— Я не знаю, куда мы идем и что нас там ожидает, — ответил Уриэль.

— Я не думаю, что там намного хуже, чем здесь!

С этой логикой трудно было не согласиться, и Уриэль стал еще настойчивее продвигаться вглубь. Утерев кровь и пот с лица, он огляделся в поисках более надежного укрытия. Крылатые монстры продолжали кружить над расщелиной, терпеливо выжидая подходящего момента для атаки.

Ущелье изогнулось и за поворотом пошло под уклон. Ультрамарины шли, пока не оказались на краю отвесного обрыва. Уриэль с ужасом уставился на пропасть, к которой вывела их расщелина. Но вдруг он заметил полусотней футов ниже узкий вход в пещеру. Это вселяло надежду. Вход защищал частокол из длинных железных столбов, вколотых в камень.

— Там есть пещера, — сказал Уриэль. — И очень похоже, что ее уже не раз использовали для того, чтобы укрыться от этих жутких тварей.

— Почему ты так думаешь?

— Видишь, там вбиты железные копыя. Я сомневаюсь, что эти твари могут пробраться сквозь частокол, не переломав себе по дороге все, что можно.

— Ну, тогда просто напрашивается вопрос...

— ...кто это сделал? — закончил фразу Уриэль.

Пазаниус посмотрел вверх, на мертвое небо. И увидел, что монстров стало еще больше. И они явно готовились к очередной атаке.

— Нам непременно надо пробиться туда, — сказал Уриэль.

— Ничего не получится, — зло ответил Пазаниус. — Они разорвут нас на мелкие клочки еще до того, как мы доберемся до входа.

— Ты думаешь, я этого не понимаю? — огрызнулся Уриэль. — Но нам надо хотя бы попытаться.

Капитан нервно закусил губу и попытался просчитать, как далеко они смогут пробиться, прежде чем монстры настигнут их. Скорее всего, они смогут истребить многих тварей, но, конечно же, далеко не всех. А если эти создания навалятся скопом, им не составит труда просто столкнуть Ультрамаринов со скалы, а потом спокойно пообедать внизу. Ведь после падения с такой высоты даже такое могучее создание, как Ультрамарин, оклемается не скоро.

Одно из чудовищ подлетело ближе, влекомое непреодолимым голодом. Оно парило так близко, что Уриэль смог подробно рассмотреть его.

— Погоди... — пробормотал капитан, мучительно пытаясь выловить что-то важное из глубин памяти. — Когда Омфал Демониум упоминал об этих тварях, то говорил что-то об их способе охоты. Что-то про сердца, и почему нам не удастся долго оставаться незамеченными...

— И?

— Я понял! Я понял, как они находят нас! Они слышат стук наших сердец!

Пазаниус помолчал, а потом сказал с расстановкой:

— Тогда нам надо избавиться от того, за чем они охотятся...

— Ты еще помнишь мантры, что активируют приан-мембрану?

— Да, хотя прошли уже десятилетия с тех пор, как я последний раз произносил их.

— Я знаю. Но, черт побери, нам лучше вспомнить, как это делается, — сказал Уриэль. — И делается правильно. Мне совсем не хочется впасть в кому над отвесным обрывом.

Пазаниус согласно кивнул головой, и Уриэль осторожно шагнул на узкую тропку, ведущую на дно ущелья. Монстры кружили в небе, и не было ни малейшей надежды, что Космодесантникам удастся добраться до входа в спасительную пещеру.

Уриэль повернулся к Пазаниусу и скомандовал:

— Начнешь, когда я дойду до середины. Не быстро, но и не медленно. Мне совсем не хочется, чтобы ты умер на полдороге.

— Я изо всех сил постараюсь не допустить этого, — сказал Пазаниус, сглатывая ком в горле.

Уриэль закрыл глаза и начал произносить про себя строфы, которым научил его аптекарий Селенус. Эти мантры вызвали активацию приан-мембраны, вживленной в ткани мозга, когда воин стал Космодесантником. Глубоко вздохнув, он начал контролировать свое дыхание, заставляя сердце замедлиться. То, что он проделывал, было очень опасно. Обычно такое упражнение предварялось несколькими часами медитации и непрерывным чтением специальных мантр. Но Уриэль понимал, что сейчас у него нет времени для такой серьезной подготовки. Он чувствовал, как сильно сердце бьется у него в груди, но потихоньку его ритм сходит на нет.

Сорок ударов в минуту, тридцать, двадцать, десять...

Капитан слышал, как Пазаниус повторяет те же мантры. Они оба понимали, что им надо добраться до пещеры прежде, чем приан-мембрана заработает на полную мощность. Если они не успеют, то прямо по дороге нырнут в неконтролируемое состояние эйфории, а потом их сердца остановятся навсегда.

Три удара в минуту... два...

Уриэль старался держаться прямо, но его зрение становилось черно-белым, а конечности наливались свинцом. Он кивнул Пазаниусу и выступил из-под защиты ущелья. Опытный воин сознавал, что сейчас он рискует потерять контроль над своим сердцем, и двинулся по узкой тропе. Пазаниус выждал положенное время и пошел за ним, хотя крики монстров звенели в ушах. Твари кружили совсем рядом, но не понимали, куда могли подеваться их жертвы. Вопли, лязг крыльев и клацанье когтей по камням мешали сосредоточиться. Космодесантники двигались, словно обнимая склон горы, медленно и осторожно.

Крылья ужасных созданий рассекали воздух прямо перед их лицами, и отважные воины почти оглохли от яростных криков. Космодесантники уже почти добрались до пещеры, а монстры нарезали круги, не в силах обнаружить добычу.

Две мерзкие твари, хлопая крыльями, пролетели совсем близко от Уриэля и приземлились на дорожку перед ним, вспахав землю стальными когтями. Они кричали отвратительными низкими голосами и медленно поворачивали свои склизкие морды, пытаясь учуять жертву.

Проходя мимо чудовищ, Уриэль еще больше замедлился, опасно балансируя на страшной грани жизни и комы, в которую мог вогнать сам себя, если проявит неосторожность.

Вдруг он поскользнулся, и его ботинок задел когти сидящего рядом монстра. Воин замер. Неизвестно, какими еще средствами восприятия обладало это создание, но оно явно не

почувствовало прикосновения и никак не отреагировало на него. Уриэль прошел мимо монстра, который замер, превратившись в слух.

Один удар...

Тварь, услышав громоподобный удар сердца, взвилась в воздух и издала такой крик, что, казалось, сейчас лопнут барабанные перепонки. Стоя, мгновенно прекратив свое бессмысленное кружение, ринулась к человеку, как один разумный организм.

— Быстрее! — закричал Уриэль и рванул к входу в пещеру.

На одном дыхании он долетел до железного, частокола и запетлял между копиями, стремясь к спасительному укрытию. Влетев под своды пещеры, он вдохнул полной грудью. Его легкие будто окатило огнем, потому что за считанные секунды Уриэль вернул свой организм к привычной жизнедеятельности. Уриэль упал на колени, сражаясь со своим организмом, возмущенным таким жестоким обращением.

Пазаниус вбежал вслед за ним, выпустив по монстрам струю горячего прометия.

Монстры с воплями кружили возле входа в пещеру. Они были явно расстроены, лишившись такой вкусной добычи. Некоторые из них все-таки попробовали атаковать, но только насадили самих себя на острые стальные копия.

Уриэль восстановил дыхание, осознав, насколько близко прошла смерть.

— Пазаниус, ты в порядке? — выдохнул капитан.

— Сложно сказать, — хрипло ответил сержант. — О Император! Не хотел бы я повторить такое. Теперь я знаю, что почувствую, когда буду умирать.

Уриэль понимающе кивнул и тяжело поднялся, цепляясь за стены пещеры. К нему, наконец, возвратилось цветовое зрение, и он теперь мог видеть в темноте. Он обнаружил, что они находятся в длинном сводчатом туннеле, ведущем внутрь горы. Но кто его соорудил?

— Ну, на какое-то время мы в безопасности, — сказал Уриэль.

— Не будь таким самоуверенным, — ответил Пазаниус, поддевая носком ботинка треснувший человеческий череп.

Космодесантники осторожно шли по туннелю, и, по мере того, как они удалялись от входа, крики летучих монстров становились все тише и тише. Усовершенствованное зрение Ультрамаринов позволяло им передвигаться в полном мраке столь же уверенно, как если бы

они прогуливались по широкой, хорошо освещенной улице.

— Как ты думаешь, кто прорубил этот туннель? — спросил Пазаниус, внимательно разглядывая стены прохода.

— Без понятия, — сказал Уриэль. — Возможно, обитатели этого мира, когда он еще не попал под власть Хаоса, или их рабы.

— Мне до сих пор не верится, что мы смогли пробраться так далеко, — продолжил Пазаниус. — Ты и вправду веришь, что мы в самом Медренгарде? Неужели мы на самом деле оказались в Оке Ужаса?

— Ты видел то же, что и я. Почему ты до сих пор сомневаешься, что один из падших примархов обитает здесь?

Пазаниус осенил себя знаком орла и сказал:

— Мне кажется, что все-таки это не совсем так. Я чувствую, какое зло окружает нас, и все-таки... зайти так далеко... Нет, это невозможно.

— Я понимаю тебя, — ответил Уриэль. — Тем не менее, Демонкулаба существует. И мы обязаны выполнить нашу смертельную клятву — уничтожить ее. И я верю, что нас забросили в нужное место. А еще мне кажется, что это задание является последним испытанием нашей веры.

— И мы его завалили! — воскликнул Пазаниус. — Спутаться с демоном...

— Я знаю, мы пошли на большой риск, мой друг, — сказал Уриэль. — И мне очень жаль, что я был вынужден принять такое опасное решение, но я не вижу другого выхода. Мы ничего не могли сделать, кроме как уверить Омфала Демониума, что выполним его приказание. Иначе нам никогда не принести пользу Империи.

— То есть ты не собираешься добывать для него это Кровавое Сердце?

— Ну, конечно же, нет! — возмутился Уриэль. — Как только мы доберемся до цели, я разнесу эту дьявольскую штуку на молекулы.

— Слава Императору! — выдохнул с облегчением Пазаниус.

Уриэль внезапно встал как вкопанный:

— Ты что, действительно подумал, что я могу уступить требованиям демона?

— Нет, но учитывая причину, по которой мы сюда попали...

— Нарушение Кодекса Астартес — одно дело, сделки с демонами — совсем другое, — огрызнулся Уриэль.

— Но нас выкинули из Ордена, приказали убираться как можно дальше с глаз Императора! Возможно, мы навсегда останемся в Оке Ужаса, — сказал Пазаниус. — Я не понимаю... Почему ты решил, что это единственно возможный выход?

— Да ну? — раздраженно бросил Уриэль. — Будь любезен, объясни мне, пожалуйста, как ты пришел к такому заключению?

Пазаниус, начав говорить, не смел поднять глаз на разгневанного капитана:

— Ну, судя по всему, Кровавое Сердце — это очень ценная штука для демона. Если мы доставим его Омфалу Демониуму, то с его помощью он легко сможет сокрушить своих врагов. Здесь, в Оке Ужаса, начнутся кровопролитные войны. Следовательно, если мы достанем Кровавое Сердце и спровоцируем этим массовую бойню, то выполним определенную часть задания Императора.

Уриэль грустно покачал головой:

— Нет. Ты являешь собой наглядный пример того, как ложь и зло делают первые незаметные шажки, чтобы завладеть человеком и сбить его с правильного пути. Если так рассуждать, то мы предадим все, за что сражались, и сами этого не заметим. Такие действия, Пазаниус, в конечном счете будут прокляты, какими бы высокими целями они ни оправдывались. Каждый такой поступок уводит все дальше и дальше по дороге, которая ведет в ад. У нас нет теперь Ордена, которому мы должны подчиняться, и можно подумать, что теперь нам не нужно ни перед кем отчитываться. Но мы оба знаем, что это далеко не так. Что бы с нами ни случилось, мы всегда будем воинами Императора, и он всегда будет жить в наших сердцах. И я тебе уже говорил об этом ранее, мой друг. Ты все еще сомневаешься в своей отваге и чести?

— Нет, это не совсем то... — начал Пазаниус.

— А что тогда — то?

— Да ладно, — сказал Пазаниус в конце концов. — Ты совершенно прав, а мне очень стыдно за то, что я посмел подумать так о тебе.

— Я тоже о себе не лучшего мнения, — продолжил Уриэль. — Но, несмотря на то, что нас исключили из Ордена, мы сохраним нашу честь. Мы будем сражаться до последнего вздоха с

врагами Императора. Так ведь? И не важно, что Орден, возможно, никогда не узнает о наших поступках.

— Да, — согласился Пазаниус и крепко хлопнул Уриэля по плечу. — Вот поэтому ты был капитаном, а я — всего лишь сержантом. Ты всегда находишь правильные слова.

Уриэль рассмеялся:

— Ну, об этом мне трудно судить. Я вот что хотел сказать: посмотри на нас, мы в Оке Ужаса, за десятки тысяч световых лет от Макрэйджа, сидим в пещере...

— ...полной костей, — закончил Пазаниус.

Теперь Уриэль удостоверился, что его боевой брат в полном порядке.

Дальше туннель расширялся, переходя в пещеру с неровными стенами, испещренными черными провалами входов в туннели, что уводили вглубь горы. Следы давно потухшего костра обнаружили в центре пещеры. Тонкий луч слабого света падал из маленького отверстия для дыма в своде пещеры. Весь пол был завален человеческими скелетами, и переломанные кости были разбросаны по всей пещере.

— Святой Жиллиман! Что же здесь произошло? — прошептал Уриэль, обходя кострище и рассматривая скелеты, на которых еще сохранились остатки одежды.

— Смотри, на них напали, когда они готовили еду, — заметил Пазаниус, разгребая пепел кострища искусственной рукой. — В очаге остались черепки.

Уриэль кивнул, изучая останки и пытаясь определить, кому они принадлежали и что за жестокий поворот судьбы обрек несчастных на такую смерть.

— Кто бы это ни сотворил, он был неправдоподобно силен, — сказал Уриэль. — Некоторые кости просто в порошок размолоты.

— Да, а этому голову оторвали.

— Железные Воины? — предположил Уриэль.

— Нет, я так не думаю, — ответил Пазаниус. — В этом нападении явно не было никакой организации. Наоборот, здесь творилось какое-то безумие. Обрати внимание на пятна на стенах. Кровь хлестала, как из фонтана. Кто бы ни убил этих людей, он был в неистовстве: раздирал глотки, рвал свои жертвы на мелкие кусочки и делал это в считанные секунды. Он не дал им времени вооружиться и оказать сопротивление.

Уриэль прошелся по пещере и вернулся к Пазаниусу, который осматривал дальние углы помещения. Там бывший капитан и заметил что-то металлическое, лежащее в пыли. Он наклонился, чтобы поднять эту вещь, и его пальцы сомкнулись на грубо обработанной, толстой рукоятке ножа с длинным гибким лезвием. Уриэль внимательно осмотрел сначала оружие, потом тела вокруг и внезапно понял, как развивались события в этой пещере давным-давно.

— С них содрали кожу, — сказал он.

— Что?

— Смотри, — сказал Уриэль, кивая на нож. — С них сняли кожу. Этим людей убили, а потом освеживали.

Пазаниус только горестно вздохнул:

— Есть ли пределы злу?

Уриэль брезгливо отбросил нож. Какое чудовище могло пробраться незамеченным так далеко внутрь горы и напасть внезапно и столь молниеносно, что у несчастных не было времени даже схватиться за оружие или спрятаться? Уриэль очень надеялся, что им с Пазаниусом не придется с ним столкнуться, но нутром чуял, что они уже на чужой территории.

— По-любому, мы уже ничего не можем сделать для них, — сказал он.

— Верно, — согласился Пазаниус. — Итак, куда теперь?

Уриэль обошел всю пещеру по периметру и внимательно осмотрел каждый проход.

— Вот здесь, похоже, раньше была довольно сильно утоптанная трона, — заметил он, исследуя пол одного из туннелей. — Здесь осталась даже колея от колес.

Пазаниус подошел к нему и присел на корточки, рассматривая отчетливый след. Трудно было определить давность отпечатка, но одно можно было сказать с уверенностью: несмотря на невероятный размер, это был человеческий след.

— Ты считаешь, что эти следы могут привести к логову чудищ и нам ни в коем случае не надо соваться в этот туннель?

— Нет, я считаю, что именно туда нам следует пойти.

— Я знал, что ты так скажешь, — вздохнул Пазаниус.

Ультрамарины прошли несколько километров внутрь горы по извилистому коридору, пока окончательно не потеряли из виду тропинку, которой решили придерживаться. Поскольку грунт под ногами становился все более и более каменистым, след исчез полностью, и Космодесантники поняли, что безнадежно заблудились.

Они решили, что уже никогда не выйдут на поверхность (хотя эту самую поверхность нельзя было назвать лучшим местом во Вселенной), но Уриэль вдруг уловил что-то. Это было едва заметное колебание воздуха, прикосновение ветерка к щеке. Уриэль поднял руку и жестом остановил Пазаниуса, который как раз открыл рот, чтобы заговорить.

На пределе слышимости до них доносился мягкий рокот, похожий на далекий прибор. Ультрамарины стали продвигаться в направлении этого звука, хотя в лабиринте коридоров определить; это направление оказалось непросто — несколько раз они останавливались и возвращались обратно.

Наконец шум стал громче, дорога — более проторенной, и примерно через час с того момента, когда Уриэль впервые услышал рокот, они увидели яркую серебряную полосу белого света.

— Никогда бы не подумал, что буду рад снова увидеть это мертвое небо, — сказал Уриэль.

— Я тоже, но все же это лучше, чем непроглядная тьма.

Уриэль кивнул, и Космодесантники выбрались из туннеля на поверхность Медренгарда. Как только они ступили на склон горы, Уриэль увидел источник шума, благодаря которому они вышли наружу.

— Кровь Жиллимана! — выругался Пазаниус.

На приличном расстоянии от горы стояла крепость, спроектированная, вероятно архитектором, находящимся в состоянии тяжелого умопомешательства.

Ступенчатые башни и огромные бастионы вздымались к небу, широкие ворота выглядели как пасть чудовища. Стены были сложены из темного, словно пропитанного кровью камня, испещренного прожилками неестественно яркого цвета. Такой оттенок просто не мог существовать в природе, и глаза с трудом выдерживали это зрелище.

Молнии сверкали между башнями, и грохот множества механизмов отражался громовым эхом от стен.

От бастионов поднимались столбы дыма и пламени. Крепость находилась в осаде. Артиллерия с грохотом и воем лупила по стенам. Возвышенность недалеко от цитадели ошетилилась многочисленными гаубицами и прочими осадными орудиями с разогретыми докрасна стволами. Пространство между крепостью и возвышенностью было напиговано снарядами,

летящими к своей цели.

Ветер доносил до Космодесантников боевые кличи вместе с характерными запахами жженого железа и крови.

Тучи пепла и дыма поднимались в небо от пылающих погребальных костров, окруживших крепость. Этот огонь не только пожирал умерших, но и разжигал в еще живущих ненависть и жажду крови.

Душа Уриэля скорбела при виде этого жестокого, первобытного бешенства.

Вряд ли кто-нибудь способен добраться до крепости и выжить.

Но это было как раз то, что предстояло сделать Ультрамаринам.

<http://tl.rulate.ru/book/30591/676064>